

Victoria Schwab
Vengeful

ДИЛОГИЯ

ЗЛО

МЕСТЬ

Виктория ШВАБ

МОСКВА
2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
ШЗЗ

Victoria Schwab
VENGEFUL

Copyright © 2018 by Victoria Schwab

Иллюстрация на переплете и форзаце *Ольги Закис*

Шваб, Виктория.

ШЗЗ Месть / Виктория Шваб ; [пер. Е. В. Музыкантовой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 544 с.

ISBN 978-5-04-100463-7

Всплеск электричества. Холодный металл стола. Тяжелое тягучее ничто и мучительная агония.

Его первая смерть была жестокой. Но вторая смерть оказалась страшнее.

Последние десять лет Виктор жил местью. Но, достигнув цели, замер в нерешительности.

В лаборатории жизнь поделилась для него на две части — «до» и «после». «До» — когда он был простым человеком. «После» — когда стал ЭО.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-100463-7

© Музыкантова Е.В.,
перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Маме, Холли и Мириам,
самым сильным женщинам
в моей жизни*

Если собираешься отомстить, выкапывай две могилы — одну для себя.

Дуглас Хортон

СОТВОРЕНИЕ

ШЕСТЬ НЕДЕЛЬ НАЗАД
ОКРЕСТНОСТИ МЕРИТА

В ту ночь, когда Марсела умерла, она приготовила мужу его любимый ужин.

Не потому, что был какой-то особый повод, как раз наоборот — спонтанность, как твердят все специалисты, залог семейного счастья. Марсела сама не знала, верит ли в это, но определенно хотела попробовать себя в готовке. Ничего особенного — добрый обваленный в черном перце бифштекс, запеченный батат и бутылка мерло.

Но часы пробили шесть, а Маркус так и не явился домой.

Марсела убрала еду в духовку, чтобы не остыла, а сама подошла к зеркалу в коридоре. Поправила помаду, распустила свои длинные черные волосы, снова собрала их в небрежный узел, оставив пару прядей, разгладила расклевшенное платье. Люди считали ее красивой от природы, но далеко эта пресловутая власть природы не простиралась. На самом деле Марсела шесть дней в неделю по два часа проводила в спортзале, шлифуя, растягивая и доводя до совершенства каждый из ста семидесяти восьми сантиметров своего гибкого тела, и никогда не выходила из спальни, не накрасившись. Нелегкая жизнь, но ведь и брак с Маркусом Андовером Риггинсом, более известным как Марк-Акула, правой рукой Тони Хатча, тоже подарком не назвать.

Семейная жизнь была сложной — но оно того стоило.

Мать любила говаривать, мол, дочь нечаянно умудрилась поймать на крючок самую крупную рыбу. Вот только матушка и не догадывалась: Марсела цепляла наживку, уже точно зная, кого хочет выудить. И поймала именно то, что собиралась.

Вишнево-красные шпильки процокали по деревянному полу, прежде чем утонуть в шелковом ковре. Марсела внесла последние штрихи в оформление стола и зажгла каждую из двадцати свечей на паре железных канделябров, что стояли у двери.

Маркус их ненавидел, но в кои-то веки Марселе было плевать на мнение мужа. Она обожала канделябры: длинные стержни и изогнутые рожки, словно прямиком из французских замков. Они придавали дому флер роскоши. «Новые» деньги ощущались как «старые».

Марсела глянула на часы — уже семь, — но подавила желание позвонить. Пламя быстрее потухнет, если не давать ему распространиться. Кроме того, если Маркус занят по работе, то дело прежде всего.

Марсела налила себе бокал вина и прислонилась к стойке, представляя, как сильные руки мужа смыкаются на чьем-то горле. Или держат чью-то голову под водой, ломают кому-то челюсть. Однажды он заявился домой, перепачканный чужой кровью, и Марсела трахнула его прямо здесь, на мраморном островке посреди кухни, пока в ребра упиралось стальное дуло пистолета, который Маркус не успел вынуть из кобуры.

Люди думали, Марсела любит мужа вопреки его ремеслу. На самом деле она любила его за то, чем он занимался.

Но стрелка на часах миновала восьмерку, поползла к девятке, и возбуждение медленно превратилось в раз-

дражение. А к тому моменту, когда входная дверь наконец распахнулась, раздражение уже затвердело до гнева.

— Прости, дорогая.

Если муж выпивал, его неизменно выдавал голос, что замедлялся до ленивого рокота. Но на этом все. Он никогда не шатался, не путался в собственных ногах, у него никогда не тряслись руки. Нет, Маркус Риггинс обладал твердым стержнем, впрочем, не без изъянов.

— Все в порядке, — отозвалась Марсела и тут же на себя разозлилась: все-таки не смогла скрыть раздраженные нотки.

Хотела уйти на кухню, но Маркус перехватил Марселу за запястье и так резко дернул к себе, что она потеряла равновесие. Муж подхватил ее в объятия, и она посмотрела ему в лицо.

Да, его талия слегка раздавалась, пока ее лишь стройнела, а прекрасное тело пловца с каждым прошедшим годом все больше теряло форму, но песочно-каштановая шевелюра не поредела, а глаза сохранили глубокий синий оттенок сланца или темной воды. Маркус всегда привлекал внимание, хотя неизвестно, сколько в том было заслуги его дорогих костюмов, а сколько — той манеры, с которой он шел по жизни: словно ждал, что все уберутся у него с дороги. Обычно так и происходило.

— Ты роскошно выглядишь, — прошептал Маркус, и Марсела ощутила, как в бедро упирается твердый член. Увы, ей уже перехотелось.

Марсела провела ногтями по небритой щеке мужа.

— Голоден, милый?

— Всегда, — прорычал он ей в шею.

— Хорошо. — Марсела отступила прочь и разгладила подол. — Ужин на столе.

Алая капля вина стекла по бокалу на белую скатерть, точно пот. Марсела налила слишком много, от нарастающего раздражения руки плохо слушались. Маркус, похоже, пятно не заметил. Да он вообще ничего не замечал.

— За мою красавицу жену.

Маркус никогда не читал перед едой молитву, зато всегда произносил тост, с самой их первой встречи. Не имело значения, сколько за столом человек — двадцать или двое. Поначалу Марсела находила это милым, но со временем жест стал пустым, заученным. Не искренне очаровательным, а рассчитанным на очарование. Однако Маркус каждый раз исправно произносил слова и, похоже, тем самым проявлял свою любовь. Ну или просто был человеком привычки.

Марсела подняла свой бокал.

— За моего красавца мужа, — автоматически ответила она.

И уже почти поднесла вино к губам, когда вдруг заметила пятно на манжете Маркуса. Сперва приняла за кровь, но кровь не может быть такой яркой и розовой.

Помада.

В памяти мгновенно всплыли слова других жен мафиози.

«Начинает отводить глаза?»

«Меняет женщин как перчатки?»

«Все мужики козлы».

Маркус резал бифштекс, что-то болтал про страховку, но Марсела уже его не слушала. Перед глазами встала картина: муж проводит большим пальцем по накрашенным женским губам, приоткрывая их костяшкой.

Марсела стиснула бокал. Ее бросило в жар, хотя в желудок упал ледяной ком.

— Что за гребаное клише.

— Прости? — переспросил Маркус, не переставая жевать.

— Твой рукав.

Он безразлично глянул на розовое пятно. Ему даже не хватило совести изобразить удивление.

— Наверное, твоя, — сказал Маркус, будто Марсела хоть раз использовала такой оттенок, что-то настолько вульгарное и пош...

— Кто она?

— Серьезно, Марс...

— *Кто* она?! — потребовала Марсела, стиснув свои идеальные зубы.

Маркус наконец перестал есть, откинулся на спинку стула и посмотрел на жену.

— Никто.

— То есть ты трахаешься с призраком?

Он закатил глаза, откровенно устав от темы — какая ирония, а ведь Маркус обожал поговорить обо всем, что его касалось.

— Марсела, ревность тебе не к лицу.

— Двенадцать лет, Маркус. Двенадцать. И теперь ты не удержал член в штанах?

На его лице мелькнуло удивление, и на Марселу обрушилась горькая правда: ну конечно, муж не первый раз пошел налево. Просто впервые попался.

— И сколько это уже продолжается? — холодно поинтересовалась она.

— Оставь, Марс.

Оставить? Словно его измена — как вот этот бокал, мелочь, которая невзначай попала под руку и которую так же легко можно отбросить.

И дело даже не в самом предательстве — Марсела была способна простить многое во имя той жизни, кото-

рую себе выстроила, — а во взглядах других женщин, тех самых взглядах, что она всегда принимала за завистливые. В постоянных предупреждениях остальных «первых жен», в их полуулыбках. Лишь теперь Марсела поняла: они все знали, знали уже бог знает сколько времени — а вот она нет.

«Оставь».

Марсела отставила бокал. И взяла нож для мяса. У мужа хватило наглости только фыркнуть в ответ. Будто Марсела не умела обращаться с ножом. Будто не слушала истории Маркуса, не просила рассказать поподробнее. Словно сам он не трепался о работе, когда выпивал. Словно Марсела не упражнялась потом на подушке. На пакете с мукой. На бифштексе.

— И что ты собираешься делать? — снисходительно поинтересовался Маркус, подняв бровь.

Как глупо, должно быть, она выглядела в его глазах: холеная красотка сжимает украшенную монограммой рукоять своими наманикюренными пальчиками.

— Куколка, — проворковал Маркус, и ярость всколыхнулась в груди Марселы.

Куколка. Детка. Дорогая. Это вот так он ее воспринимал, после всего, через что они прошли? Как нечто беспомощное, хрупкое, слабое, нечто *декоративное*, хрустальную фигурку, весь удел которой стоять на полке и красиво сиять?

Когда Марсела не отступила, взгляд Маркуса потемнел.

— Не хватайся за нож, если не собираешься его использовать...

Возможно, она и правда была хрустальной.

Но стекло хрупкое ровно до тех пор, пока его не разобьешь.

Дальше оно становится острым.

— Марсела...

Она бросилась на Маркуса и с удовольствием заметила, как глаза мужа чуть расширились от удивления. Он резко отпрянул, расплескав бурбон. Нож едва чиркнул по шелковому галстуку, а в следующий миг ладонь Маркуса с размаху впечаталась в лицо Марселы. Во рту появился вкус крови, на глаза навернулись слезы. Под звон тончайшего фарфора Марсела рухнула на дубовый стол.

Она не выпустила нож, но Маркус прижал ее запястье к столешнице с такой силой, что аж кости захрустели.

Он и ранее проявлял грубость, но всегда только в пылу страсти, в ответ на невысказанный сигнал — и этот сигнал неизменно подавала сама Марсела.

Но только не в этот раз.

Маркус являл собой девянсто килограммов чистой силы, зарабатывал на жизнь, ломая вещи. Ломая людей. Он досадливо прищелкнул языком — словно это Марсела повела себя глупо. Раздула из мухи слона. Сама его спровоцировала. Вынудила трахнуть другую женщину. Разрушить все, над чем сама же столько трудилась.

— Ах, Марс, ты всегда умела меня завести.

— Отпусти, — прошипела она.

Маркус склонился к ней вплотную, провел рукой по ее волосам и накрыл ладонью щеку.

— Если пообещаешь играть по правилам.

Он улыбался. Улыбался. Словно все это — очередная игра.

Марсела плюнула кровью ему в лицо.

Муж испустил долгий страдальческий вздох. А потом ударил ее головой об стол.

Мир взорвался белой вспышкой. Марсела не помнила, как упала, но, когда к ней вернулось зрение, она лежала на шелковом ковре рядом со стулом. Голова пульсировала. Марсела попыталась подняться, но комната накрени-